

СОСЛОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРАХ

ДОМОХОЗЯЙСТВ В XIX ВЕКЕ:

МОСКВА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ*

АЛЕКСАНДР АВДЕЕВ, ИРИНА ТРОИЦКАЯ, ГАЛИНА УЛЬЯНОВА

Последние десятилетия существенно изменили представления о типах структур домохозяйств на территориях, лежащих к востоку от линии Хайнала. Не только сама линия превратилась в достаточно обширную «переходную» зону, не только изменилось ее положение на карте Европы, но и разнообразие типов брака и семьи, обнаруженное за обобщенными характеристиками восточно- и центральноевропейских территорий, заставило исследователей пересмотреть некоторые теоретические концепции и результаты более ранних исследований.

Такое расширение границ изучаемого явления стало возможным благодаря растущему числу микроисследований, предоставляющих детальную информацию о размере и составе домохозяйств в Центральной и Восточной Европе. Новые данные появились и для России, которая всегда считалась классическим примером «восточного» типа формирования семьи и организации домохозяйства.

Тем не менее существующие исследования чаще принимают во внимание географическую, чем социальную/сословную стратификацию типов домохозяйств. Объектом подавляющего большинства исследований типов российских домохозяйств является социальная группа крепостных крестьян; другие сословия изучены гораздо менее детально.

Мы постарались преодолеть этот разрыв, представив в данной статье сравнительный анализ структур домохозяйств в двух сословиях (московских купцов и подмосковных крепостных) в середине XIX века. Эти структуры существенно различались: в крестьянском населении преобладали сложные домохозяйства, состоящие из нескольких брачных пар (в середине XIX века их доля в общем числе домохозяйств доходила до 60%); у купцов, напротив, каждое второе домохозяйство было нуклеарным, состоящим из брачной пары с детьми или без, или одинокого родителя с детьми. Объяснения этому следует искать прежде всего в отношении обоих сословий к государственным повинностям.

Ключевые слова: линия Хайнала, типология домохозяйств, ревизские сказки, купеческое сословие, крепостные крестьяне.

Александр Александрович Авдеев, Институт демографии университета Париж 1 «Пантеон-Сорбонна», Франция. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Россия.
Ирина Алексеевна Троицкая, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Россия. E-mail: itro@econ.msu.ru
Галина Николаевна Ульянова, Институт Российской истории Российской Академии наук. Россия.

Статья поступила в редакцию в январе 2015 г.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00362 «Демографическая история московского купечества по ревизским сказкам III-X ревизий (1762-1858 гг.): брак и семья, рождаемость и смертность, социальная и территориальная мобильность».

*Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и вместе им не сойтись...*

*Р. Киплинг
«Баллада о Востоке и Западе» (1889)*

Но где проходит граница между Востоком и Западом? Можно предположить, что для Киплинга, жителя островного государства, этот вывод, основанный на его опыте жизни в британских колониях, как и положение границы, разделяющей Запад и Восток, не вызывали сомнений, а вот жителю континентальной Европы дать ясный ответ на этот вопрос не очень просто. Впрочем, одним из возможных ответов можно считать результаты проекта по изучению рождаемости в Европе (*European Fertility Project*), более известного в научной среде как Принстонский проект. Он был инициирован Э. Коулом в конце 1950-х годов, в тот период, когда модель демографического перехода, еще относительно новая и широко обсуждаемая, нуждалась в информационной поддержке. Поэтому одной из главных целей проекта стало изучение особенностей демографического перехода в конкретных европейских странах. Интернациональная команда молодых в то время демографов – участников проекта, сегодня всемирно известных ученых (Б. Андерсон, Дж. Кнодель, Р. Лестэг, М. Ливи Баччи, Э. ван де Валле и др.), используя данные проекта, детально описала, как и когда проходил демографический переход в Европе [Coale 1969; Coale, Anderson, Harm 1979; Coale, Watkins 1986; Knodel 1974; Lesthaeghe 1977, Livi Bacci 1971, 1977; Van de Walle 1974].

Но кроме ответов на важный вопрос об особенностях демографического перехода и прежде всего снижения рождаемости в Европе, проект дал еще несколько интересных результатов более общего характера, в том числе позволил сделать вывод о том, что временные и географические различия в брачности играли весьма важную роль в снижении рождаемости [Tilly 1986: 324] – вывод, подтверждающий уже известную к тому времени модель европейских типов брачности Дж. Хайнала и его знаменитой не совсем прямой линии, соединяющей Санкт-Петербург и Триест [Smith 1990: 172].

Согласно модели Хайнала снижение рождаемости к западу от этой линии происходило не только вследствие добровольного ограничения рождаемости после достижения желаемого числа детей в семье или за счет удлинения интервалов между рождениями [Knodel 1981], но и в результате откладывания браков на довольно значительный срок [Hajnal 1965] – вывод, который сегодня кажется очевидным, но в середине 1960-х годов представлял собой важное научное открытие, определившее на долгие годы целое направление исследований в демографии.

С тех пор, как линия Хайнала разделила Европу на «Восток» и «Запад» по чисто демографическому критерию, многие не смогли устоять перед соблазном использовать ее не только для деления, но и для противопоставления Восточной и Западной Европы, например, по степени демократизации, показателям IQ, уровню коррумпированности, гражданскому самосознанию и др.¹

---

¹См. например: <https://hbdchick.wordpress.com/2014/03/10/big-summary-post-on-the-hajnal-line/>.

В начале 1970-х годов П. Ласлетт, подметив различия в типах семейных структур в Западной и Восточной Европе, использовал линию Хайнала для разделения Европы по этому признаку [Laslett 1972]. Отметим, однако, что со временем, по мере появления новых данных, особенно для стран, не относящихся к Северной или Западной Европе, граница становится все более размытой и менее очевидной, а за различиями типов домохозяйств обнаруживаются глубокие различия семейных систем, интегрированных в более широкий социально-экономический контекст [Todd 1983]. Тем не менее можно утверждать, что до конца 1980-х годов линия Хайнала представляла собой границу, к западу от которой знание о структурах домохозяйств было более или менее документированным.

Последние десятилетия существенно изменили представления о типах домохозяйств на территориях, лежащих к востоку от линии Хайнала. Не только сама линия превратилась в достаточно обширную «переходную» зону, не только изменилось ее положение на карте Европы [Kaser 2001; Mitterauer 2003], но и разнообразие типов брака и семьи, обнаруженное за обобщенными характеристиками восточно- и центральноевропейских территорий, заставило исследователей пересмотреть некоторые теоретические концепции и результаты более ранних исследований [Szołtysek 2007].

Такое расширение границ изучаемого явления стало возможным благодаря растущему числу микроисследований, предоставляющих детальную информацию о размере и составе домохозяйств в Центральной и Восточной Европе. Новые данные появились и для России, которая всегда считалась классическим примером «восточного» типа формирования семьи и организации домохозяйства; они также дают основания для ревизии существующих представлений о российской семье. Изучение форм российской семьи и домохозяйства, основанное на индивидуальных данных, позволяет применить стандартные классификации типов домохозяйств к российским источникам и получить результаты, сравнимые с европейскими.

Существующие исследования чаще принимают во внимание географическую, чем социальную/сословную стратификацию типов домохозяйств; исследователи, критически относящиеся к модели Хайнала, указывают на ее излишне «демографический подход к изучению истории семьи, игнорирующий существенные различия между классами» [Kaiser 1992: 39]. Объектом подавляющего большинства исследований типов российских домохозяйств является социальная группа крестьян, что в значительной степени объясняется количественным преобладанием этого сословия в населении Российской империи в XIX веке; именно их демографическое поведение определяло показатели рождаемости, смертности и естественного прироста в этот период. К тому же формирование и функционирование домохозяйств крепостных крестьян, исследуемые в данной статье, достаточно хорошо документированы. Официальные источники, такие как ревизские сказки или исповедные ведомости, дополняются распоряжениями, исходящими от помещика или его управляющих, перепиской между ними относительно дел в вотчинах, местными подворными описями, инструкциями приказчикам по управлению вотчинами, журналами наказаний или списками выданных паспортов.

Другие социальные классы, относительно немногочисленные и в меньшей степени подверженные внешнему контролю, требующему документального оформления, изучены

гораздо менее детально. Мы постарались преодолеть этот разрыв, представив в данной статье сравнительный анализ структур домохозяйств в двух сословиях (московских купцов и подмосковных крепостных) в середине XIX века. Результаты анализа структур домохозяйств в Выхинской вотчине уже были представлены в более ранних работах авторов [Blum, Troitskaya, Avdeev 2000]; данные о размерах и структуре домохозяйств московских купцов в середине XIX века, оцененные на 10%-ной выборке и представленные в виде, сопоставимом с результатами аналогичных исследований, публикуются впервые.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

Выборка, на которой основано наше сравнительное исследование сословных различий в структурах домохозяйств в середине XIX века, включает около 3000 человек: более 1,5 тыс. представителей купеческого сословия, проживающих в двух московских слободах, и около 1,4 тыс. крепостных крестьян одной из подмосковных вотчин графов Шереметевых.

Кадашевская и Садовая Набережная слободы находились в Замоскворечье по обоим берегам Водоотводного канала (рисунок 1); это отразилось в топонимике современной Москвы (Кадашевская и Садовническая набережные, Кадашевские переулки и др.).

Рисунок 1. Кадашевская и Садовая Набережная слободы (карта Москвы 1851 г.)

Выхинская вотчина, состоящая из села Вешнякова и трех расположенных недалеко друг от друга деревень (Выхино, Жулебино и Вязовки) находилась в 10-12 км от Москвы на Большой Коломенской дороге (рисунок 2).

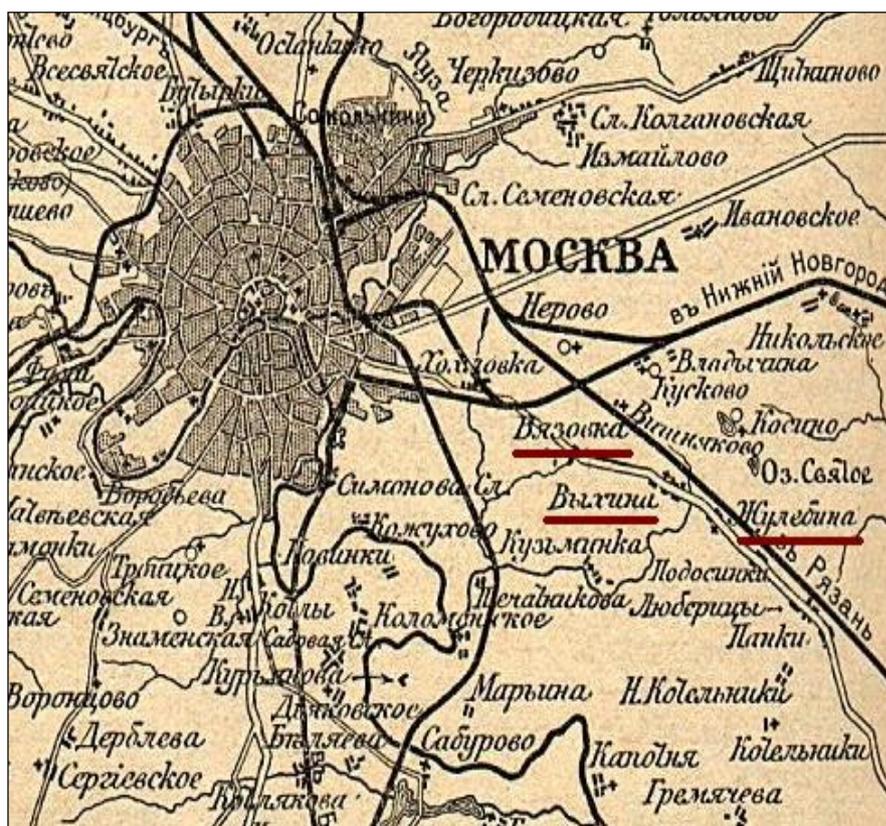
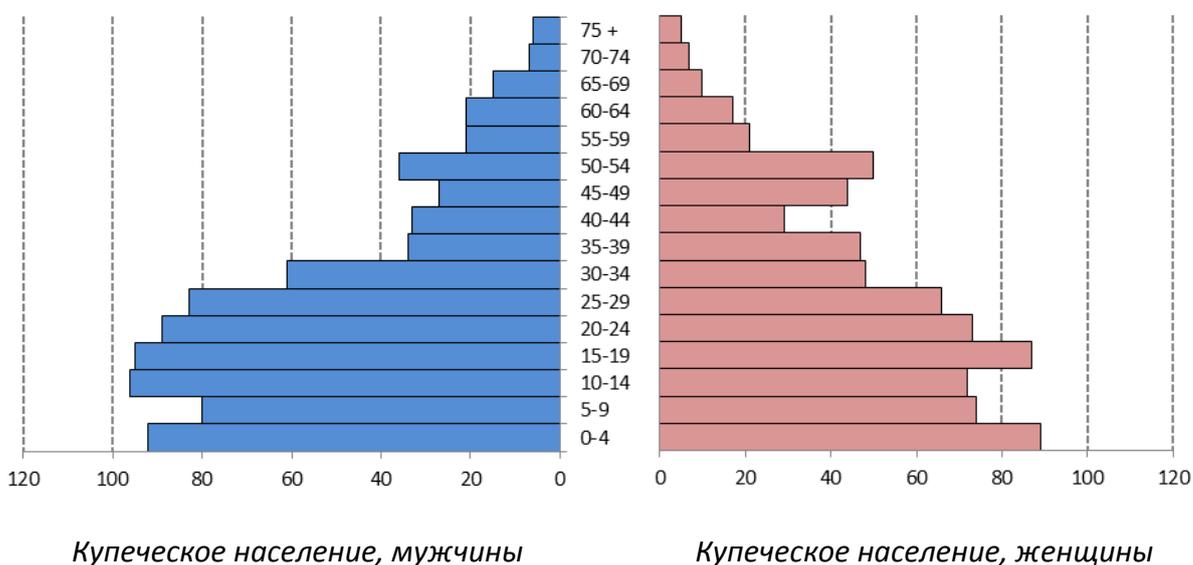
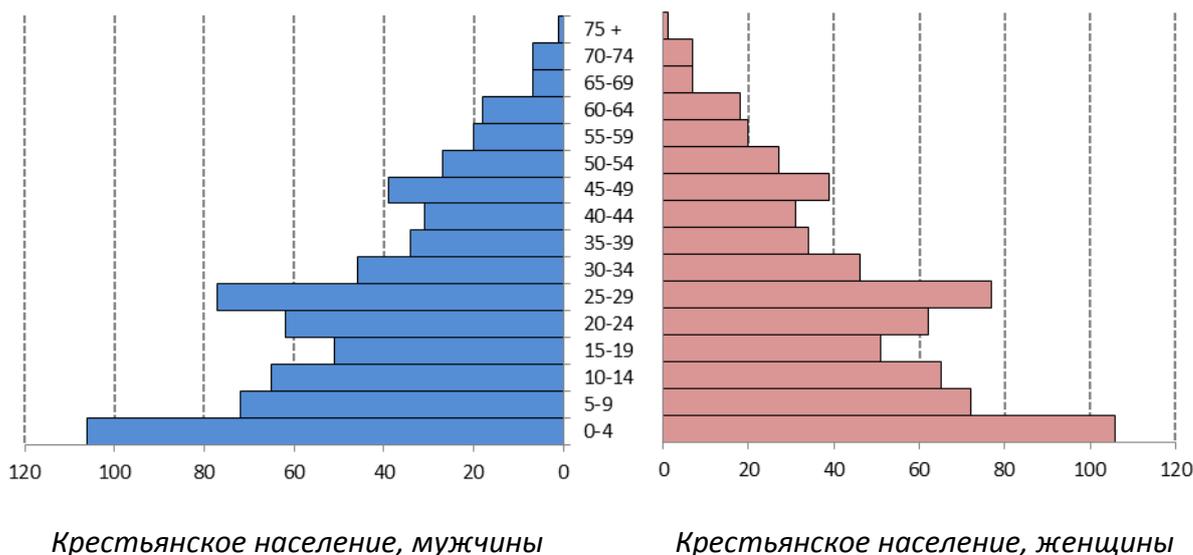

Рисунок 2. Карта окрестностей Москвы (вторая половина XIX века)

В качестве источников данных о размере и составе домохозяйств использовались сказки VIII (1834 г.) и IX (1850-1851 гг.) ревизий. Ревизские сказки Выхинской вотчины хранятся в фонде 51 «Московская казенная палата» Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Источником данных о купеческих домохозяйствах послужили ревизские сказки из «Материалов для истории московского купечества» - многотомного труда, изданного в 1883-1889 гг. по предложению выборного московского купеческого сословия Н.А. Найденова, поддержанному на заседании выборных 8 апреля 1883 г.

Ревизские сказки представляют собой уникальный источник демографической информации, содержащий данные о размере и структурах домохозяйств, отношениях родства внутри домохозяйства, половозрастной структуре населения, повозрастном распределении смертей и др.² Согласно сказкам IX ревизии для нашей выборки обе изучаемые сословные группы имели половозрастную структуру, типичную для исторических населений: в обеих группах треть составляли дети в возрасте до 15 лет, а средний возраст был равен 26 годам (рисунок 3).

² Подробнее о ревизиях как источнике демографической информации см.: [Троицкая 1995].

Рисунок 3. Половозрастные пирамиды изучаемого населения по IX ревизии (1858 г.)

СТРУКТУРЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ: СОСЛОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Для оценки структур домохозяйств мы воспользовались классификацией П. Ласлетта, хотя ее довольно часто подвергают критике, в том числе и в случае ее применения к российским данным. Однако, не удовлетворившись альтернативными классификациями, предлагаемыми советскими или российскими историками, а также чтобы иметь возможность сравнения наших результатов с результатами аналогичных исследований, мы пользуемся вышеупомянутой классификацией. Ласлетт предложил ее в начале 1970-х годов, в период, когда исследования по истории семьи, начавшиеся в конце 1950-х годов в Западной Европе, потребовали обобщения и базы для сравнения результатов, полученных в разных странах.

Согласно этой классификации, существует пять типов домохозяйств от простых, состоящих из одного человека, до сложных многопоколенных, включающих несколько супружеских пар с детьми или без. Внутри каждого типа существует несколько подтипов в

зависимости от отношений родства между членами домохозяйства и его главой [Ласлетт 1979: 132-157].

Таблица 1. Структуры купеческих и крестьянских домохозяйств по VIII ревизии (1834)

Категория домохозяйства по классификации П. Ласлетта	Домохозяйства купцов, Москва		Домохозяйства крестьян, Выхино	
	доля, %	средний размер	доля, %	средний размер
Одиночки	12,0		6,9	
Без семьи (нет брачной пары)	2,4	*)	1,7	*)
Нуклеарные домохозяйства	58,1	5,07 (±2,40)	14,7	4,59 (±1,80)
Расширенные домохозяйства	3,3	4,64 (±1,12)	12,1	6,14 (±1,56)
Сложные (составные) домохозяйства	24,3	9,70 (±4,15)	64,7	15,87 (±9,71)
<i>Число домохозяйств / в них населения / средний размер домохозяйства (все типы)</i>	<i>334 / 1887 / 5,65</i>		<i>116 / 1367 / 11,78</i>	

Примечание: *) - оценки для категории «Без семьи» не приводятся вследствие незначительного числа таких домохозяйств.

Как видно из таблицы 1, на момент проведения VIII ревизии в купеческом сословии преобладают нуклеарные домохозяйства – семейная пара с детьми или без детей либо вдова/вдовец с детьми: они составляют около 60% от общего числа домохозяйств, тогда как в Выхинской вотчине доля таких домохозяйств не превышает 15%. Нам представляется интересным факт, что средний размер купеческого нуклеарного домохозяйства больше на 0,5 человека, чем крестьянского. Гипотезы, которые могли бы объяснить эту разницу (более высокая рождаемость, более низкая детская смертность, более позднее вступление в брак или меньшая доля семей с одним родителем в купеческом населении) требуют дополнительной проверки. В крестьянском населении наблюдается противоположная тенденция: большие и сложные домохозяйства составляют почти 65% от общего числа против 25% в купеческом населении.

Таблица 2. Структуры домохозяйств по IX ревизии (1850-1851) с оценкой значимости различий с данными VIII ревизии (1834)

Категория домохозяйства по классификации П. Ласлетта	Домохозяйства купцов, Москва		Домохозяйства крестьян, Выхино	
	доля, %	средний размер	доля, %	средний размер
Одиночки	21,7**		2,9*	
Без семьи (нет брачной пары)	2,9 n.s	#)	2,4 n.s.	#)
Нуклеарные домохозяйства	47,9**	4,78 (±2,53)	27,1**	3,93 (±1,72)
Расширенные домохозяйства	4,5 n.s.	7,57 (±2,59)	15,2 n.s.	5,19 (±1,79)
Сложные (составные) домохозяйства	23,0 n.s	8,89 (±4,13)	52,4*	8,89 (±2,85)
<i>Число домохозяйств / в них населения / средний размер домохозяйства (все типы)</i>	<i>309 / 1536 / 4,97</i>		<i>210 / 1386 / 6,60</i>	

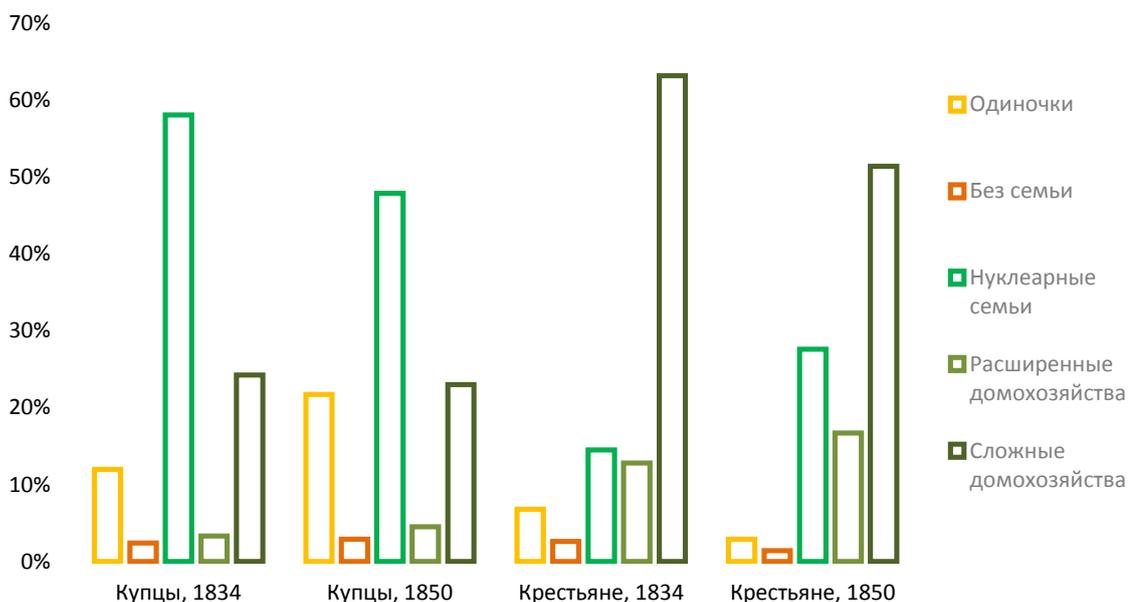
Примечания: * – $p \leq 0,1$; ** – $p \leq 0,001$; n.s. – различия незначимы (non-significant); #) - оценки для категории «Без семьи» не приводятся вследствие незначительного числа таких домохозяйств.

Также обращает на себя внимание относительно высокая доля домохозяйств одиночек в купеческом населении (12% против 6,9% у крестьян) и весьма низкая доля расширенных домохозяйств, состоящих из семейной пары с детьми или без и других не

состоящих в браке родственников (3,3% у купцов против 12,1% у крестьян). Объяснения этому можно найти в российском законодательстве того периода; мы обсудим это ниже.

В межревизионный период в обоих изучаемых населенных пунктах произошли довольно заметные изменения (таблица 2). Отметим прежде всего снижение доли сложных крестьянских домохозяйств и, что очень важно, уменьшение их среднего размера. Кроме того, за этот же период доля нуклеарных крестьянских домохозяйств удвоилась, а доля домохозяйств одиночек снизилась более чем в два раза.

В купеческом населении значительно снизилась доля нуклеарных домохозяйств и почти вдвое возросла доля одиночек. Чтобы наглядно показать характер изменений в структурах домохозяйств, мы представили данные из таблиц 1 и 2 в графическом виде на рисунке 4.

Рисунок 4. Изменения в структурах купеческих и крестьянских домохозяйств в межревизионный период, %

Наши результаты показывают упрощение структур крестьянских домохозяйств в период между VIII и IX ревизиями, прежде всего снижение доли и среднего размера сложных домохозяйств. Какова бы ни была причина этих изменений, они заставляют задуматься об ограничениях применения классификации П. Ласлетта к анализу типов российских домохозяйств.

Если мы говорим о сложных (составных) семьях применительно к европейским историческим населенным пунктам, в подавляющем большинстве случаев речь идет о так называемой «корневой» семье (англ. – *stem family*, фр. – *famille souche*), состоящей из брачной пары и одного женатого сына с семьей, либо единственного у своих родителей, либо потенциального наследника. В России же в состав сложной семьи, кроме одного или нескольких женатых сыновей главы домохозяйства, часто входили его не прямые родственники (племянники, двоюродные братья, дяди) со своими семьями. Зачастую отношения родства между членами одного домохозяйства были достаточно отдаленными, и чтобы обнаружить общего предка, благодаря которому они оказались в свое время

записанными в одно домохозяйство, нужно было подняться вверх на 3–4 поколения. И если у таких сложных домохозяйств появлялась возможность раздела, прежде всего отделялись «боковые ветви», чтобы образовать собственные домохозяйства. Но этот революционный для российской сложной семьи процесс маскируется особенностями классификации Ласлетта, поскольку большинство вновь образованных домохозяйств также были сложными и оставались в той же категории. Таким образом, доля сложных домохозяйств менялась очень мало, и количественно изменения структур выражались лишь в значительном снижении среднего размера сложных домохозяйств. Если бы в классификации Ласлетта присутствовал еще один, шестой тип (к примеру, «сверхсложные» семьи, к которому можно было бы отнести домохозяйства, включающие, помимо прочего, семьи не прямых родственников его главы), эволюция типов семьи в России была бы более очевидной (таблица 3).

Таблица 3. Распределение сложных домохозяйств в Выхинской вотчине по родственным отношениям с главой домохозяйства

Доля сложных домохозяйств в Выхинской вотчине (по классификации Ласлетта), %	VIII ревизия (1834)	IX ревизия (1850)
		64,7
<i>Из них</i>		
Состоящих только из прямых родственников главы домохозяйства*, %	42,3	47,2
Включающих не прямых родственников, %	22,4	5,2
Средний размер домохозяйств, состоящих только из прямых родственников	12,53 (±7,46)	8,85 (±2,94)
Средний размер домохозяйств, включающих не прямых родственников	22,60 (±10,41)	9,27 (±2,33)

Примечание: * - в данную категорию включены, кроме «корневых», и так называемые «братские» домохозяйства, состоящие из семей нескольких женатых братьев.

ОБСУЖДЕНИЕ

Различия в структурах купеческих и крестьянских домохозяйств в середине XIX века едва ли можно объяснить случайными отклонениями – слишком разными стали эти два сословия к этому времени.

Чтобы лучше понять факторы формирования домохозяйств в обоих сословиях и их представление в источниках, следует прежде всего вспомнить, каким целям служило введение в начале XVIII века ревизий населения. В них должны были переписываться податные сословия – жители Российской империи, обязанные платить подушный налог; ревизии также служили основой для регулярных рекрутских наборов – на военную службу призывался определенный процент мужского податного населения, определяющийся законом для каждого набора отдельно в зависимости от внутренней и международной обстановки. Со временем ревизии становились все ближе к классическим переписям населения, поскольку в них включалось все больше неподатных сословий, в том числе и купечество, «токмо для счета».

Обязанности крестьян и купцов по отношению к этим основным государственным повинностям (подушной подати и рекрутским наборам) существенно различались; это могло повлиять, помимо прочего, и на формирование домохозяйств в каждом из сословий.

В крестьянском населении ответственность за их исполнение была коллективной, общинной, и большая семья со значительным числом трудоспособных мужчин и женщин и вследствие этого со значительным земельным наделом была своего рода гарантией исполнения этих повинностей. Купечество несло персональную или семейную ответственность за уплату налога, сумма которого зависела не от размера и структуры домохозяйства, а от капитала, объявленного его главой; от рекрутской же повинности купечество было освобождено сначала частично, затем полностью. Таким образом, особой необходимости в объединении нескольких купеческих семей в одно сложное домохозяйство не было; более того, такие объединения должны были осуществляться по особым правилам, определенным законодательно.

Принципы налогообложения

Подушное налогообложение было введено Петром I в 1718 г. одновременно с введением ревизий населения прежде всего для содержания создававшейся в тот период регулярной российской армии [ПСЗ-1, 5: 3245]. Средний подушный оклад должен был рассчитываться делением затрат на содержание армии на число наличных податных душ, определяемое ревизскими сказками. Вычисленный таким способом подушный оклад заменял собой все казенные подати и работы, падавшие до этого на тяглое население.

В начале введения новой системы налогообложения в купеческом сословии с каждой ревизской души взималось 40 алтын; в 1775 г. подушный налог для них был заменен так называемым «гильдейским сбором»:

«купцов же от 500 рублей и выше капитал имеющих, разделить, как и ныне, на три гильдии, и брать с них по одному проценту с объявляемого ими по совести капитала погодно, а подушное с них не брать» [ПСЗ-1, 21: 14327].

Размеры гильдейского сбора постоянно росли: к примеру, после реформы 1824 г. он составил 3-5% с объявленного капитала в зависимости от гильдии [ПСЗ-1, 39: 30115]; далее, вплоть до 1863 г., он практически не менялся. Но в любом случае глава домохозяйства (владелец купеческого капитала) нес персональную ответственность за уплату сбора, который никак не был связан с размером и структурой домохозяйства.

Система сбора и уплаты налогов в крестьянском населении, в том числе и в Выхинской вотчине, была принципиально иной. С одной стороны, наличие большого домохозяйства и, следовательно, большого числа ревизских душ в нем повышали формальную сумму подушной подати, которую должно было выплатить домохозяйство. Но в крестьянской общине существовал принцип перераспределения податей, в соответствии с которым общая сумма, назначенная к уплате, перераспределялась между домохозяйствами в соответствии с их экономическими возможностями. «Внутренней», общинной единицей налогообложения служило тягло; чаще всего это была брачная пара, а также одинокие мужчины трудоспособного возраста, которые могли нести частичное тягло. В любом случае каждому тяглу полагался земельный надел или его часть, дающие возможность исполнения финансовых обязательств по отношению к государству и помещику. Таким образом, большее количество тягол в домохозяйстве означало, с одной стороны, большую нагрузку повинностями, но с другой, – большее экономическое

процветание за счет концентрации значительного количества земли в домохозяйстве. Следовательно, наличие больших и сложных крестьянских домохозяйств было в интересах и помещика, и общины, и главы домохозяйства, поскольку служило своего рода гарантией исполнения денежных повинностей.

Отношение к военной службе

Крестьянское население было основным поставщиком рекрутов в российскую армию. Регулярные, практически ежегодные наборы приводили к тому, что в Выхинской вотчине 2-4% мужского населения в наиболее трудоспособных возрастах 20-35 лет ежегодно покидали свои семьи, чтобы никогда не вернуться или вернуться инвалидами. Лишь после Крымской войны срок службы стал более или менее «гуманным», составив 15 лет, часть из которых солдат находился в запасе; к введению в 1874 г. всеобщей воинской повинности длительность пребывания в действующей армии и в запасе стала практически одинаковой – 7 и 8 лет соответственно. В крестьянском населении система выбора семейства для отдачи рекрутов была сложной: существовала рекрутская очередь, зависевшая в значительной степени от числа взрослых мужчин в домохозяйстве, т.е., в конечном счете, от его размера и структуры, а за справедливым исполнением рекрутской повинности следила вся крестьянская община. Основное правило, которым руководствовалась община, было таким: рекрутский набор не должен был ослабить экономические возможности домохозяйства, так что в первую очередь рекрут выбирался из семейства, в котором было трое и более мужчин трудоспособного возраста (15-65 лет). Когда все такие семейства исполняли свою рекрутскую очередь, набор производился из семей с двумя мужчинами-работниками. Поэтому, чтобы обеспечить поставку рекрутов и облегчить их выбор, и владелец крестьян, и община были заинтересованы в сохранении относительно больших и сложных домохозяйств. Сложности при рекрутских наборах были одной из основных причин запрета разделов крестьянских домохозяйств:

«Многими случаями дознано, что великосемейные крестьяне всеми мерами стараются семей своих разделить единственно для того чтобы войтить тем в список малосемейных и одиноких и чрез сие избегнуть как отдачи в рекруты, так и быть свободными от прочих послуг общественных» [РГИА 1088, 15, 321: 39-39 об].

Документы Выхинской вотчины содержат обширную переписку с Домовым правлением по поводу крестьянских разделов. В 1846 г. в деревне Вязовки братья Гусевы – Василий, Илья и Алексей – просили у Московского домового правления разрешения на раздел *«по добровольному и любовному согласию, но утеснению состоящего большого семейства, особенно когда бывает военный постой, (в то время решительно не имеем в своем жилище никакого простора)»*. Несмотря на одобрение этого раздела мирским сходом Выхинской вотчины, Домовое правление посчитало: *«Раздел Гусевых недозволителен потому, что в их семействе 3 души на очереди рекрутской и в отделенных домах не будет по два работника; а по сей причине и просьбу Гусевых и мирской приговор оставить без уважения»* [РГИА 1088, 15, 321: 39-39 об].

Что касается купеческого сословия, оно имело одну очень важную привилегию: замену военной службы денежным взносом за рекрутов на протяжении всего XVIII века. С самого начала существования рекрутской повинности, введенной Петром I, купечеству было позволено «за рекрут давать деньгами» [ПСЗ-1, 6: 3983], хотя точная сумма не указывалась, поскольку была привязана к размеру ежегодного земского сбора. Позднее в Манифесте об очередном рекрутском наборе от 19 сентября 1776 г. сумма взноса за рекрута была зафиксирована:

«как Российские купцы, будучи выключены из подушного оклада, платят по одному проценту с капитала, то Всемилостивейше уволяя их от поставки рекрут натурою, повелеваем до будущего узаконения взыскивать с них по 360 рублей за каждого рекрута» [ПСЗ-1, 20: 14509].

Через несколько лет сумма возросла до 500 рублей под предлогом «возвышения цен на все вообще вещи» [ПСЗ-1, 21: 15721], но уже в 1807 г. Высочайшим манифестом, дарующим купечеству новые выгоды, отличия и преимущества, было объявлено:

«Рекрутскую денежную повинность, в ознаменование Нашего благоволения к достоинству купеческого сословия, Всемилостивейше снимаем со всех трех гильдий на вечные времена» [ПСЗ-1, 29: 22418].

Таким образом, если купеческие семьи и были иногда большими и сложными, причиной тому была не необходимость исполнения рекрутской повинности.

Внешний контроль структур домохозяйств

Формирование структур домохозяйств в купеческом населении косвенным образом регулировалось законом, тогда как крепостные крестьяне были в этом отношении в полном подчинении своего владельца.

Как отмечалось выше, для владельца крестьян большое и сложное домохозяйство с достаточным числом работников было своего рода гарантией исполнения повинностей. Мнение владельца Выхинской вотчины по поводу семейных разделов, хотя и эволюционирует со временем, в принципе поддерживает существование больших домохозяйств. В инструкциях управляющим вотчинами Шереметевых разделам посвящено несколько пунктов, суть которых сводится к следующему: раздел большого домохозяйства не должен снижать экономические возможности каждого из вновь образованных домохозяйств и не должен нарушать рекрутской очереди. Но даже соответствие этим критериям не означает безоговорочного права домохозяйства на раздел; каждый случай должен рассматриваться отдельно:

«делиться без разрешения Домового правления никому не позволять да и оно может сие позволить тогда только буде в семействе требующем раздела состоит не менее двух совершеннолетних работников и что рекрутская очередь совершенно исправлена таковому единственно семейству пожитками и повинностями на два дома то есть чтоб в каждом осталось по две души мужеска пола разделиться позволять с опробации Домового правления иначе ж

к раздроблению семей не допускать и за тем следить накрепко» [РГИА 1088, 15, 321: 39-39 об].

За самовольные разделы предусматривалось строгое наказание не только разделившихся, но и их соседей, которые могли быть оштрафованы за недонесение. Это можно считать еще одним примером коллективной ответственности в крестьянской общине:

«1841 года Сентября 29 дня мы под сим подписавшиеся Выхинской Его Сиятельства Графа Дмитрия Николаевича вотчины крестьяне на собранном в вотчинное Правление мирском полном сходе приказ Московского Домового Правления ат 26 сего Сентября за N2521м подтверждающий запрещение самовольно делиться на разные семьи и штраф за это по 100 руб. слышали и обязуемся друг за другом смотреть, и буде кто учинит самовольный семейный раздел доносить правлению, иначе дает ему полное право взыскивать с соседей в число 100 рублей по десяти рублей с каждого в чем и подписуемся» [РГИА 1088, 15, 142: 3].

Формирование купеческих домохозяйств с начала XIX века регулировалось, пусть и косвенно, законом: по Указу Сената от 28 февраля 1809 г. главам купеческих семей разрешалось записывать в свой капитал только близких родственников – жену, сыновей и незамужних дочерей, а при определенных условиях – родных братьев и внуков. Этот закон был принят вскоре после полного освобождения купеческого сословия от рекрутской повинности; целью его была борьба со злоупотреблениями, в частности, с попыткой молодых мужчин избежать воинской повинности: они записывались в домохозяйства своих родственников-купцов, подпадая, таким образом, под действие закона 1807 г., о котором упоминалось выше.

На формирование домохозяйств влияли и другие факторы (отношение к земле, принципы наследования, особенности брачного поведения и др.), которые также могли определять различия в структурах крестьянских и купеческих домохозяйств; детальное изучение этих факторов выходит за рамки данной статьи.

ДЕМОГРАФИЯ РОССИЙСКИХ СОСЛОВИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение демографической истории российских сословий представляется нам весьма перспективным по нескольким причинам. Как упоминалось выше, подавляющее большинство историко-демографических исследований времен Российской империи рассматривают в качестве объекта крестьянское сословие. Это налагает определенные ограничения на анализ факторов демографического поведения этой группы вследствие ее гомогенности и незначительной территориальной и социальной мобильности, особенно до середины XIX века. Купечество, по крайней мере московское, дает гораздо больше возможностей для историко-демографических исследований. Прежде всего, это высокомобильное население. Межсословные переходы относительно часты: представители других сословий (мещане, крестьяне и даже дворяне), способные заплатить гильдейский

сбор и имеющие достаточный капитал, переходили в купечество; купцы, неспособные внести гильдейский сбор, «разжаловались» в мещанское сословие. Кроме того, московское купечество постоянно пополнялось за счет новоприбывших из других уездов Московской губернии и из других губерний.

Еще одной характерной особенностью купеческого домохозяйства, практически не наблюдающейся в крестьянском населении, является роль женщины-главы. После смерти главы крестьянского домохозяйства его роль переходила, как правило, к старшему сыну или к старшему мужчине в семье; если домохозяйство состояло из вдовы с несовершеннолетними детьми, номинально управляя домохозяйством, она не имела формальных прав главы, к примеру, не принимала участия в мирских сходах. В купеческом домохозяйстве роль главы, по крайней мере формально, наследовала вдова, поскольку именно на нее переписывались капитал и гильдейский статус умершего мужа. Архивные документы дают нам немало примеров, подтверждающих важную роль вдов в ведении купеческого бизнеса и управлении домом. То же относится и к девицам, унаследовавшим капитал умершего отца [Uljanova 2009: 10-15, 49-54].

Более разнообразный конфессиональный и национальный состав также расширяет возможности изучения демографии купечества. Существенная доля старообрядцев (их доля в московском купечестве доходила до 20%), растущее число католиков и протестантов среди московских купцов позволяют исследовать влияние этого фактора на демографическое поведение, но, к сожалению, лишь в середине XIX века. Отметки о вероисповедании московских купцов присутствуют только в опубликованных сказках двух последних ревизий – 1850 и 1858 г.

Проблемой при изучении других сословий, кроме крестьянского, может стать недостаточное количество наблюдений. По данным переписи 1897 г., численность купеческого сословия составляла 19 тыс. человек или 2% населения Москвы; в середине XIX века при тех же 19 тыс. купцов и членов их семей этот показатель едва превышал 5%. Следовательно, оценки некоторых демографических показателей необходимо делать с осторожностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе представленного в данной статье исследования авторы в очередной раз убедились, что ревизии населения представляют собой источник детальной и качественной информации о населении Российской империи XVIII-XIX веков, позволяющий описать демографические процессы этого периода в самых современных демографических терминах. В частности, изучение ревизских сказок московских купцов позволило задуматься о социальной дифференциации модели Хайнала: сословные различия в структурах домохозяйств, наблюдаемые в России в XIX веке, слишком значительны, чтобы объяснить их только географическим фактором или случайными отклонениями.

Что означает эта дифференциация? Распространение нового типа демографического поведения, начавшегося с более развитых и благополучных сословий? Локальные особенности, которые исчезают по мере удаления от центра? Что происходит в других

сословиях, к примеру у мещан, которые, с одной стороны, лично свободны и живут в городах, как купцы, а с другой – исполняют все государственные повинности наравне с крестьянами? Будет ли структура их домохозяйств представлять собой некий промежуточный вариант? Ответы на все эти вопросы предстоит найти, и авторы статьи надеются дать их в своих следующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Ласлетт П. (1979). Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика: 132-157.
- Полное собрание законов Российской империи (1830). Собрание первое. В 40 томах. СПб: Типография II Отделения собственной Его императорского Величества Канцелярии (в тексте – ПСЗ-1 с указанием тома и номера закона).
- Российский государственный исторический архив, фонд 1088 «Шереметевы, графы», опись 15 «Материалы Выхинского вотчинного правления Московской губернии» (в тексте – РГИА 1088, 15 с указанием номера единицы хранения и страниц).
- Троицкая И. (1995). Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы). Дисс. на соискание уч. ст. канд. эк. наук. М.
- Blum A., I. Troitskaya, A. Avdeev (2000). Family, marriage and social control in Russia – three villages in Moscow region // Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe / M. Neven and C. Capron (eds.). Liege: Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège : 85-110.
- Coale A.J. (1969). The decline of fertility in Europe from the French Revolution to World War II // Fertility and Family Planning: A World View // S.J. Behrman and Leslie Corsa (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press: 3–24.
- Coale A.J., B. Anderson, E. Harm (1979). Human Fertility in Russia since the 19th Century. Princeton University Press.
- Coale A.J., S.C. Watkins, eds. (1986). The Decline of Fertility in Europe. Princeton: Princeton University Press.
- Hajnal J. (1965). European marriage pattern in historical perspective // Population in History: Essays in Historical Demography / D.V. Glass (eds.). Aldine Publishing Company: 101-143.
- Kaiser D.H. (1992). History Urban Household Composition in Early Modern Russia // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 23. №1: 39
- Kaser K. (2001). Serfdom in Eastern Europe // The History of the European Family. Vol.1 / D.I. Kertzer and M. Barbagli (eds.). New Haven: Yale University Press: 25-62.
- Knodel J.E. (1974). The Decline of Fertility in Germany, 1871-1939. Princeton University Press.
- Laslett P. (1972). Introduction: the history of the family // Household and family in past time / P. Laslett, R. Wall (eds.). Cambridge University Press: 3-89.
- Lesthaeghe R.J. (1977). The Decline of Belgian Fertility, 1800-1970. Princeton University Press.
- Livi Bacci M. (1971). A Century of Portuguese Fertility. Princeton University Press.
- Livi Bacci M. (1977). A History of Italian Fertility during the Last Two Centuries. Princeton University Press.

- Mitterauer M. (2003). European kinship systems and household structures: medieval origins // Distinct inheritances. Property, family and community in a changing Europe / P. Heady and H. Grandits (eds.). Munster: Lit.: 35-52.
- Smith R.M. (1990). Monogamy, landed property and demographic regimes in pre-industrial Europe: regional contrasts and temporal stabilities // Fertility and Ressources/ J. Landers and V. Reynolds (eds.). Cambridge University Press.
- Szołtysek M. (2007). Central European household and family system, and the «Hajnal-Mitterauer» line: The parish of Bujakow (18th-19th centuries) // History of the Family. Vol.12. Issue 1: 19-42.
- Tilly C. (1986). Review of the book *The decline of fertility in Europe*, A.J. Coale and S.C. Watkins (eds.) // Population and development Review. Vol.12 №2 : 323-340.
- Todd E. (1983). *La Troisième planète: Structures familiales et systèmes idéologiques*. Paris: Seuil.
- Ulianova G. (2009). *Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London: Pickering & Chatto.
- Van de Walle E. (1974). *The Female Population of France in the Nineteenth Century*. Princeton University Press.

SOCIAL DIFFERENCES IN HOUSEHOLD STRUCTURES IN THE 19TH CENTURY: MOSCOW AND ITS OUTSKIRTS

ALEXANDRE AVDEEV, IRINA TROITSKAYA, GALINA ULIANOVA

ALEXANDRE AVDEEV. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, UNIVERSITY PARIS 1 «PANTHÉON SORBONNE», PARIS. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

IRINA TROITSKAYA. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA. E-MAIL: itro@econ.msu.ru.

GALINA ULIANOVA. INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JANUARY 2015.

During the last few decades ideas about household structures in the territories lying east of the Hajnal line have changed considerably. Not only has the line itself been transformed into a fairly wide 'transitional' zone and its location on the European map been changed, but the variety of family forms found behind the generalized characteristics of the «Eastern» territories has made scholars re-examine certain theoretical concepts and findings.

The new concepts are based on the growing number of micro-studies covering the territories of Central and Eastern Europe and providing very detailed information on family size and structures. For Russia, which has always been considered a model of the Eastern type of household organization, new data have appeared as well, making it possible to re-examine the theories concerning Russian households.

However, scholars more often pay attention to geographic rather than social stratification of household types. The majority of studies are devoted to the social group of peasants, especially of peasant serfs, while household structures in other social groups are less explored.

In the present article we seek to fill this gap by providing a comparison of household structures in two social groups, namely of Moscow merchants and of serfs who lived near Moscow in the middle of the 19th century. The household structures in the two groups were entirely different: one in two merchant families was a nuclear one consisting of a couple with or without children, or a single parent with children, while in the peasant population complex households including several nuclear families predominated (60% of the total number of households). The most likely explanation for this are the two groups' different obligations to the state.

Key words: Hajnal line, household classification, revision lists, merchants, serf peasants

* THE ARTICLE IS PREPARED WITH THE FINANCIAL SUPPORT OF RUSSIAN FOUNDATION FOR HUMANITARIAN RESEARCH, PROJECT 15-01-00362 «DEMOGRAPHIC HISTORY OF MOSCOW MERCHANTRY ACCORDING TO III-X REVISIONS (1762-1858): MARRIAGE AND FAMILY, FERTILITY AND MORTALITY, SOCIAL AND SPATIAL MOBILITY»

REFERENCES

- Blum A., I. Troitskaya, A. Avdeev (2000). Family, marriage and social control in Russia – three villages in Moscow region // Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe / M. Neven and C. Capron (eds.). Liège: Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège: 85-110.
- Coale A.J. (1969). The decline of fertility in Europe from the French Revolution to World War II // Fertility and Family Planning: A World View // S.J. Behrman and L. Corsa (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press: 3–24.
- Coale A.J., B. Anderson, E. Harm (1979). Human Fertility in Russia since the 19th Century. Princeton University Press.
- Coale A.J., S.C. Watkins, eds. (1986). The Decline of Fertility in Europe. Princeton: Princeton University Press.

- Hajnal J. (1965). European marriage pattern in perspective // Population in History: Essays in Historical Demography / D.V. Glass and D.E.C. Eversley (Eds.). Aldine Publishing Company: 101-143.
- Kaiser D.H. (1992). History Urban Household Composition in Early Modern Russia // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 23. №1: 39.
- Kaser K. (2001). Serfdom in Eastern Europe // The History of the European Family. Vol.1 / D.I. Kertzer and M. Barbagli (eds.). New Haven: Yale University Press: 25-62.
- Knodel J.E. (1974). The Decline of Fertility in Germany, 1871-1939. Princeton University Press.
- Laslett P. (1972). Introduction: the history of the family // Household and family in past time / P. Laslett, R. Wall (eds.). Cambridge University Press: 3-89.
- Laslett P. (1979). Sem'â I domohozâjstvo: istoričeskij podhod [Family and household: historical approach] // Bračnosť, roždaemost', sem'âza tri veka [Nuptiality, fertility, family during three centuries]. Moskva: Statistika: 132-157.
- Lesthaeghe R.J. (1977). The Decline of Belgian Fertility, 1800-1970. Princeton University Press.
- Livi Bacci M. (1971). A Century of Portuguese Fertility. Princeton University Press.
- Livi Bacci M. (1977). A History of Italian Fertility during the Last Two Centuries. Princeton University Press.
- Mitterauer M. (2003). European kinship systems and household structures: medieval origins // Distinct inheritances. Property, family and community in a changing Europe / P. Heady and H. Grandits (eds.). Munster: Lit.: 35-52.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, Sobranie Pervoe (1830) [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire, First collection (1830)]. Sankt-Peterburg.
- Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv, fond «Šeremetevy, grafy», opis' 15 «Materialy Vyhinskogo votčinnogo pravleniâ Moskovskoj gubernii» [Russian State historical archives, fond 1088 "Counts Sheremetev", inventory 15 "Vyhino estate administration"].
- Smith R.M. (1990). Monogamy, landed property and demographic regimes in pre-industrial Europe: regional contrasts and temporal stabilities // Fertility and Resources / J. Landers and V. Reynolds (eds.). Cambridge University Press.
- Szołtysek M. (2007). Central European household and family system, and the «Hajnal-Mitterauer» line: The parish of Bujakow (18th-19th centuries) // History of the Family. Vol.12. Issue 1: 19-42.
- Tilly C. (1986). Review of the book The decline of fertility in Europe, A.J. Coale and S.C. Watkins (eds.) // Population and development Review. Vol.12. № 2 : 323-340 Todd E. (1983). La Troisième planète: Structures familiales et systèmes idéologiques. Paris: Seuil.
- Troickaâ I. (1995). Revizii naseleniâ kak istočnik demografičeskoj informacii (metodologičeskie problemy [Revisions as a source of demographic information (methodological problems)]. Dissertaciâ na soiskanie stepeni kand. èkon. nauk [PhD thesis in Economics]. Moskva.
- Ulianova G. (2009). Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia. London: Pickering & Chatto.
- Van de Walle E. (1974). The Female Population of France in the Nineteenth Century. Princeton University Press.